

**Наталья
Горбаневская**

ИЗ СТИХОВ 2011 ГОДА

Осмелюсь предложить вниманию читателей «Новой Польши» прошлогодние стихи с, условно говоря, «польскими мотивами». Так как «мотивы» не везде и не всякому очевидны, прибавлю некоторые разъяснения.

Весь прошлый год был у меня воистину Милошевским годом. И прежде всего даже не фестивалями, в которых я принимала участие, не Милошевским конкурсом русских переводчиков, а завершением работы над объемистым томом «Мой Милош». Помимо розыска и сбора прежних своих публикаций (начиная с 1980 года, с «Нобелевской речи») я перевела еще целый ряд стихотворений и, главное, статей — или, если кому угодно, эссе — Чеслава Милоша, больше всего из вышедшего в прошлом же году сборника «Россия» (том I — второй том вышел в Польше уже в нынешнем году). Работа над переводами статей

«Достоевский и Мицкевич» и «Бедный камер-юнкер» заставила меня — как в те далекие времена, когда я переводила «Поэтический трактат» Милоша, — заново погрузиться в Мицкевича.

«...Виденье, или Вильно, и тот чудной поэт, // кто над рекой июню, / «укрывшись под плащом»...» — этот поэт, конечно, Мицкевич, и Виденье не случайно написано с заглавной буквы: это Виденье из «Дзядов», где место действия — Вильно. «Над рекой июню» — над Невой, где некогда, «Укрывшись под одним плащом, / Стояли двое в сумраке ночном» (пер. В.Левика). Двое — Мицкевич и Пушкин.

Пушкина Милош в заголовке своей рецензии на книгу Вацлава Ледницкого жалостливо назвал «Бедный камер-юнкер». Этот заголовок сразу прозвучал у меня в голове стихами, и, хотя стихотворение, начатое этой строчкой, далее не имеет никакого отношения ни к Милошу, ни к Польше, но без Милоша его просто не было бы.

К стихотворению «Метафизика-3» нечего прибавить: примечание составляет его интегральную часть.

С «Вариацией на мотив Бачинского» казалось бы, всё ясно благодаря эпиграфу, — хочу только добавить, что стихотворение, первые две строки которого вынесены в эпиграф, я много лет безуспешно пыталась перевести, и в этом смысле «Вариация» стала знаком окончательной капитуляции: увы, не переведу. Есть прекрасный перевод Марии Сергеевны Петровых, и только одно в нем меня не устраивает — потеря множественного числа и в «любовях», и в заключительных «ненавистях». Так вот это у меня в «Вариации» вышло — с заменой «не вытопчут ненависти» на «ненависти не удушат». Но перевода — нет, перевода не вышло.

«...а значит, нигде» — обрывок знаменитой фразы, определяющей место действия в пьесе Альфреда Жарри «Король Убю»: «В Польше, а значит, нигде».

*

И в сумраке вечернем,
и в мороке ночном
вчерашних развлечений
не слышно за окном,

а только слышно-видно
сквозь дырочки тенет:
Виденье, или Вильно,
и тот чудной поэт,

кто, над рекой иною,
«укрывшись под плащом»,
окутает окно мое
плетущимся плющом.

*

Бедный камер-юнкер,
чугунный-аржаной,
выставлен в кунсткамере
с красавицей-жаной.

Ржавая чугунка,
столыпинский вагон.
Пашет пашню Глинка,
а пишет песню он ли?

Песня онли-ю
из-под ребер льется.
Сменяя колею,
меняются колеса.

Колеса, не стучите,
а паровоз, постой.
Сменяются учителя,
на постаментах стоя.

Бедный постамент,
уже и буквы стерлись.
И кто на нем поставлен?
Чапаев? Чукча? Штирлиц?..

метафизика-3

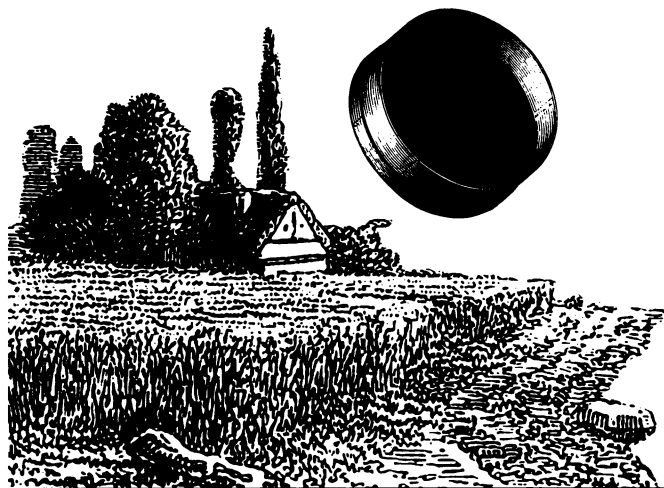
Эти ведьмовские зелья,
неразорванные звенья,
неразомкнутые кельи
в бездвиженьи, бездвиженьи.

По-над плоскою землею,
над поверхностью земною
ненебесные орлы и
неземные, неземные.

Там, где домик в три оконца,
а над ним Сатурна кольца,
там и Солнце холодает,
западает, западает.

От сияющего куба,
от бревенчатого сруба
если, ежели и кабы
не сильны, но и не слабы.

И не немощны, не мощны,
от мощны живут мощи,
всё, что можно, невозможно
от Пшедмужа до Пшедмोजа.*

* Przedmurze (польск.) — бастион, дословно предстенье (например, Польша всегда почитала себя «пшедмужем» христианства, нас соответственно считая теми, кто «за стеной»). Przedmorze (пол.) — предморье. Отмечу, что по-русски есть имя собственное Предморье (которого нет по-польски).

ВАРИАЦИЯ НА МОТИВ БАЧИНСКОГО

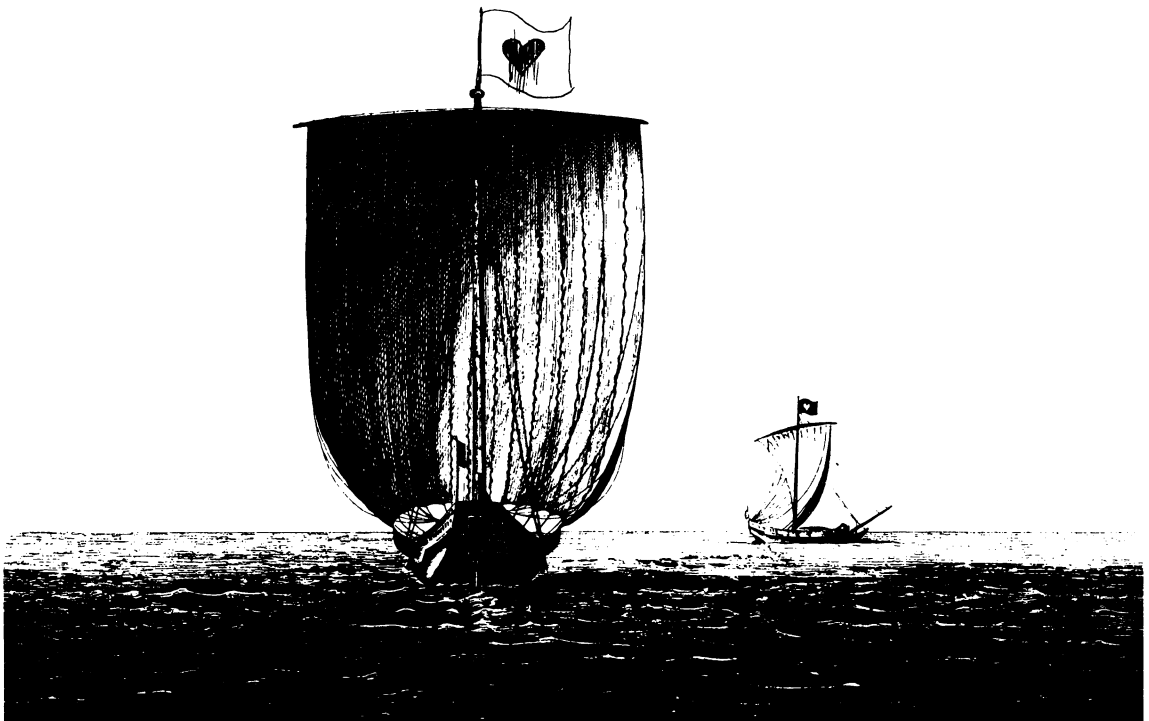
*Tych miłości które z nami
na strumieniach białych płyną...*

Тех любовью, что за нами
вдаль плывут под парусами,
что, как чайки над волнами,
позабыть велят, а сами

ничего не забывают,
даже если уплывают

по реке-реке до устья,
по волнам-волнам до неба,
тех, что нет, не поддаются,
и ни Висла, ни Онега

их не вхлынет, не потопит
и глушилки не заглушат,
тех любовью — вот мой опыт —
ненависти не удушат.

*

...а значит, нигде.

Мор Фома, одна морфема,
отрицательное «у»,
и не рифма, а рифмема,
как в ютубе король Убю.

Этот остров... Мимо, мимо,
мним и остров, и океан,
их обоих смыло, смыло
с пыльной карты дальних стран.

И на том ли океане
тот ли остров, тот ли гранит,
та ли шаль из той ли ткани
тот ли парус багрянит?

